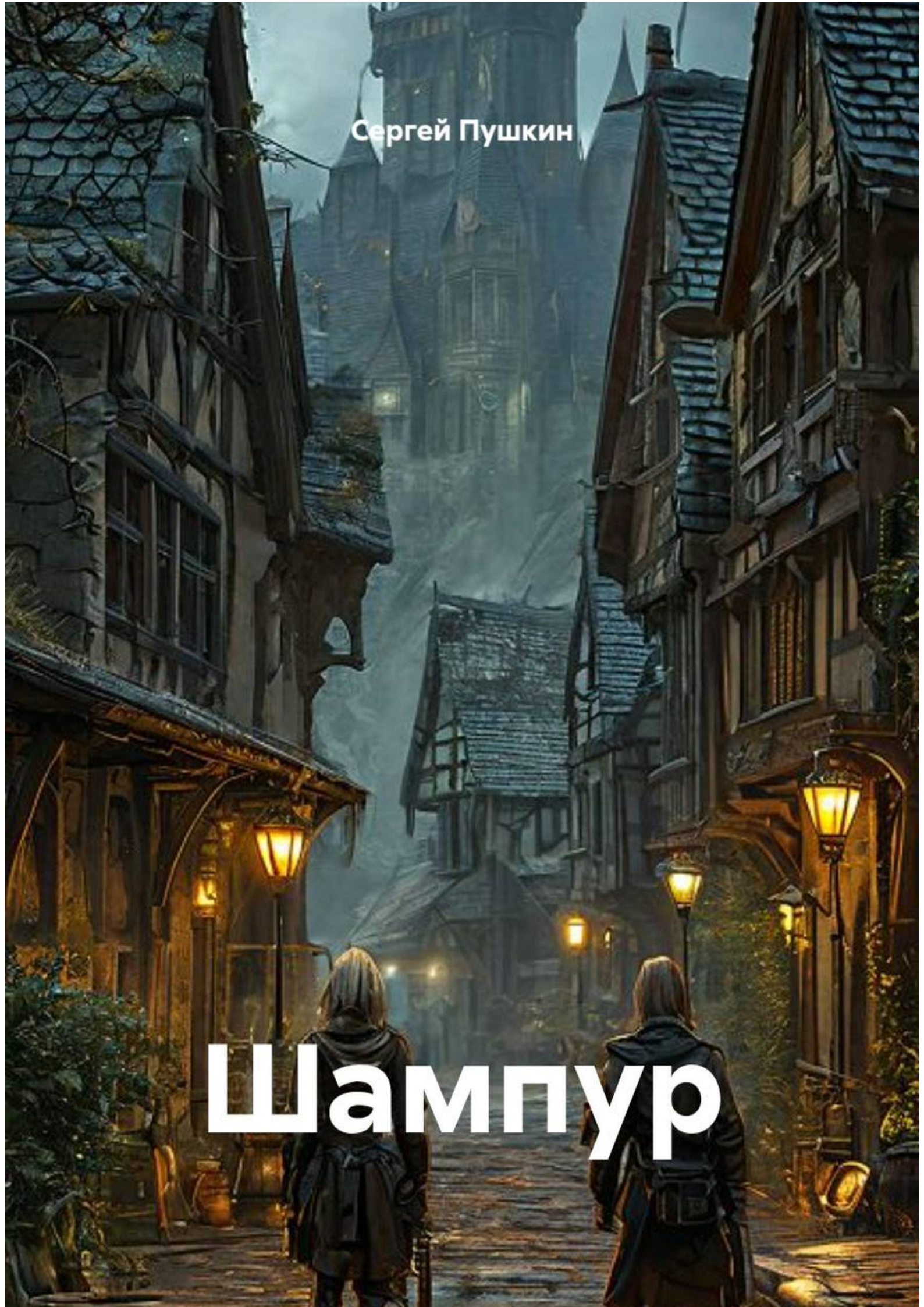

The image is a full-page illustration in a dark, atmospheric style. It depicts a narrow, cobblestone street in a medieval or fantasy setting. Two figures, seen from behind, are walking away from the viewer down the center of the street. They are wearing dark, hooded cloaks. The street is flanked by tall, dark wooden buildings with intricate carvings and many windows. Warm, yellow light emanates from several street lamps and windows, creating a contrast with the cool, blue-grey tones of the sky and the distant castle. In the background, a massive, multi-towered castle with spires and battlements rises into a misty, overcast sky. The overall mood is mysterious and somber.

Сергей Пушкин

Шампур

Сергей Пушкин

Шампур

«Автор»

2026

Пушкин С. С.

Шампур / С. С. Пушкин — «Автор», 2026

В жарком и безжалостном Аркенхельме Элис и Анна оказываются втянуты в расследование, которое приведёт их к истокам преступления, совершённого много лет назад. Распутывая клубок лжи и страха, они понимают, что прошлое не умирает — оно ждёт своего часа.

© Пушкин С. С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Пушкин

Шампур

ШАМПУР

Глава 1. Порт Аркенхельма

Корабль Республики вошёл в гавань Аркенхельма на рассвете.

Солнце стояло почти в зените, хотя только-только перевалило за полдень. Оно висело в небе белым, раскалённым глазом, и воздух над водой дрожал, как над раскалённой сковородой. Даже ветер с моря не приносил прохлады — только сухой, горячий воздух, который обдирал горло и забивал лёгкие пылью.

Элис стояла у борта, вцепившись пальцами в деревянные перила. Её светлые волосы, собранные в тугий хвост, выбились из-под повязки и прилипли к вискам мокрыми прядями. На лбу блестела испарина. Кожаный доспех, который в столице Республики казался лёгким, теперь превратился в раскалённую, липкую ловушку.

— Я никогда не думала, что буду скучать по дождю, — сказала она, не оборачиваясь.

— Ты скучаешь по дождю, а я по нормальной еде. — Анна стояла рядом, опираясь на планшир. Её смуглое лицо, привыкшее к солнцу, сейчас выглядело уставшим. Она провела ладонью по лбу, вытирая пот, и посмотрела на приближающийся город. — Тот сухарь, что нам дали на завтрак, можно было использовать как метательный снаряд.

— Ты его съела.

— Я была голодна.

Обе усмехнулись. Коротко, без радости.

Город разрастался перед ними, выползая из утреннего марева. Аркенхельм был не похож на столицу Республики. Там — узкие улочки, серый камень, низкие тучи и вечная сырость. Здесь всё было другим.

Белый камень. Высокие, узкие здания с плоскими крышами. Острые шпили древних святилищ вонзались в небо, как копья. Улицы поднимались вверх по холму, складываясь в причудливый лабиринт. В центре, на самой высокой точке, возвышался императорский дворец — массивный, квадратный, с башнями, которые казались чёрными на фоне ослепительно-белого неба. Он давил. Не весом — присутствием.

Корабль медленно входил в гавань. Вода в порту была мутной, зеленоватой, с маслянистыми разводами на поверхности. Вдоль причалов теснились рыбацкие лодки, торговые суда, военные галеры с чёрными парусами. На берегу кипела жизнь — грузчики таскали тюки, торговцы выкрикивали товары, носильщики пробивались сквозь толпу с корзинами на головах.

Но над всем этим стоял запах. Рыба, соль, пот, гниющие водоросли, навоз — и ещё что-то сладковатое, приторное, как испорченное мясо, которое пытаются скрыть пряностями.

Элис сжала пальцы на перилах.

Спустили трап. Вальтер, посол Республики, первым ступил на деревянный настил причала. Он был сед, поджар, одет в дорожный костюм из тёмной ткани, который, судя по всему, был единственным предметом гардероба, не реагирующим на жару.

— Гвардейцы, — сказал он, не оборачиваясь. — Не отставайте.

Они сошли на причал. Доски под ногами были горячими — даже сквозь подошвы сапог чувствовался жар, идущий от камня. Элис прошла несколько шагов и остановилась. Анна встала рядом.

Толпа расступилась сама собой. Не потому, что кто-то крикнул или подал знак. Просто люди начали отходить в стороны, оставляя свободное пространство. Кто-то перекрестился. Кто-то опустил глаза.

В центре площади стояла плаха. Низкая, широкая, с выемкой для головы и двумя ремнями для рук. Рядом — высокий шест с железной перекладиной.

На ней висел человек.

Он был жив — Элис поняла это по тому, как он дёргался. Пальцы сжимались и разжимались, ноги судорожно искали опору. Каждое движение было слабее предыдущего.

Рядом стоял палач. Коренастый, в грубом кожаном фартуке, с закатанными рукавами. В руках он держал шампур. Длинный, тонкий, с деревянной рукоятью, заострённый на конце. На шампуре темнели старые пятна — бурые, въевшиеся в металл.

Палач подошёл к преступнику. Тот поднял голову. На его лице был страх — чистый, животный, без остатка.

— Прошу... — хрипло начал он.

Палач не дал ему договорить. Схватил за волосы, откинул голову назад, открывая горло, и медленно, с расчётливой жестокостью, начал вгонять шампур в раскрытый рот.

Элис смотрела. Она не могла отвести взгляд. Металл входил в плоть, пробивая нёбо, ломая зубы, проходя через череп. Кровь хлынула изо рта, заливая подбородок, шею, грудь. Тело забилось в конвульсиях. Палач продолжал давить, проворачивая шампур, пока его острие не вышло из затылка.

Потом он вытер руки о фартук и отошёл в сторону, не глядя на тело.

Элис стояла неподвижно. Она видела смерть раньше. В столице казнили быстро — мечом или петлёй. Это было иначе. Это было зрелище. Медленное, ритуальное, рассчитанное на то, чтобы каждый в толпе запомнил, как выглядит конец. Она чувствовала, как в груди поднима-

ется что-то тяжёлое, липкое. Не страх, не отвращение. Что-то другое — то, чему она не могла подобрать названия.

Рука Анны легла на её локоть. Холодная, несмотря на жару.

— Он мёртв, — сказала Анна тихо. — Не смотри.

— Я знаю, — ответила Элис.

Но она продолжала смотреть. На шампур, с которого капала кровь. На тело, которое ещё дёргалось на шесте. На лужу, которая расползалась по деревянным доскам, собираясь в тёмные потоки между щелей.

Анна стояла рядом, глядя на плаху. Её лицо было неподвижным, но пальцы на перевязи сжались так, что побелели костяшки. Она видела такое раньше — не в Гламе, не в замке, а гораздо ближе. В столице, в портовых трущобах, куда они с Элис однажды забрели после патруля. Там тоже была плаха. И палач, который не торопился. Она помнила запах — тот же самый, сладковатый и тягучий, который не выветривался даже на ветру.

Она смотрела на шампур и видела не мистiku, а привычку. Палач не чистил его. Пятна на металле были старыми, въевшимися — казни здесь были делом обычным, рутинным. Это не делало их менее страшными. Это делало их хуже.

— Он даже не вытер лезвие перед казнью, — сказала Анна тихо, не оборачиваясь. — Просто взял и воткнул. Как будто это не человек, а кусок мяса. Как будто он привык.

Элис перевела взгляд на неё. Анна стояла, глядя на плаху, и в её глазах не было ужаса. Только узнавание. Она видела жестокость раньше. Она знала, как она выглядит и как пахнет.

— Идём, — сказала Анна. — Нам нужно уйти отсюда.

Они пошли дальше. Шаги их эхом разносились по каменным плитам. Толпа уже расступилась, торговцы снова закричали, носильщики забегали. Жизнь вернулась в порт, как будто ничего не случилось.

Элис не оглядывалась. Она просто шла, чувствуя, как жара давит на плечи, как пот стекает по спине, как в груди всё ещё ворочается тяжёлый комок, оставшийся после казни. Она видела смерть раньше. Но эту она запомнит.

У ворот порта их ждал Корвус. Он стоял в тени высокой арки, сложив руки на груди, опираясь плечом на колонну. Одет был в лёгкий тёмный плащ, не по погоде, но, казалось, жара его несколько не беспокоила. Его лицо было спокойным, почти расслабленным — но глаза смотрели остро, изучающе.

— Добро пожаловать в Аркенхельм, — сказал он, когда они подошли. Голос его звучал ровно, почти вежливо. — Надеюсь, вы помните, кто я и где вы находитесь.

Анна посмотрела на него. Вспомнила, как он перевоплощался в волка в Гламе. Вспомнила кровь на его морде. Но ничего не сказала.

— Помним, — ответила она. — Вопрос в том, помните ли вы нас.

Корвус усмехнулся — коротко, без тепла. Его взгляд скользнул по Анне, потом по Элис и остановился на ней на мгновение дольше, чем следовало. В его глазах мелькнуло что-то — не любопытство, не оценка. Что-то другое. Как будто он видел в ней то, чего не видели другие. Или видел, но не говорил.

Элис почувствовала, как по спине пробежал холод, хотя жара стояла невыносимая. Она выдержала его взгляд, не отводя глаз. Несколько секунд. Потом Корвус перевёл взгляд и повернулся к Вальтеру.

— Ваш посол, — сказал он. — Вас ждут во дворце. Император Серван готов принять вас сегодня вечером.

— Мы будем готовы, — ответил Вальтер сухо.

— Сомневаюсь, — сказал Корвус.

Он развернулся и пошёл вперёд, не оглядываясь. Тени от арки скользнули по его плащу и погасли.

Элис смотрела ему в спину. Она чувствовала, как в груди всё ещё висит тяжесть от казни, и как новый, тонкий холод пробивается сквозь неё — тот, что оставил взгляд Корвуса.

— Он знает что-то, чего мы не знаем, — сказала она тихо.

— Он всегда знает что-то, чего мы не знаем, — ответила Анна. — В этом его суть.

Они пошли за Корвусом, и город сомкнулся вокруг них — белые стены, чёрные тени, тяжёлое небо без единого облака.

Глава 2. Дворец Императора

Их провели через главные ворота и дальше — по длинному каменному коридору, где даже в полдень царил полумрак. Факелы горели через каждые десять шагов, но света давали мало — только больше теней. Тени плясали по стенам, по лицам гвардейцев, по спинам слуг, которые бесшумно скользили мимо с подносами и кувшинами.

Элис чувствовала, как жара, оставшаяся за порогом, постепенно уступала место другой — тяжёлой, душной духоте, которая исходила от самого камня. Стены дворца были сложены из тёмного вулканического камня — пористого, шершавого, впитывающего тепло и отдающего его обратно медленно, безостановочно. Она провела пальцами по стене — камень был горячим.

— Они специально строят из этого? — спросила она тихо у Анны.

— Камень держит тепло, — ответила та, вытирая пот со лба. — Даже ночью стены не остывают. Здесь никогда не бывает прохладно.

— Тогда нам повезло, что мы не останемся здесь надолго.

— Нам не везёт никогда.

Впереди шёл офицер стражи в белом мундире. Он не представился, не обернулся, не сказал ни слова. Просто вёл их по коридорам, не сбавляя шага. Его сапоги звонко стучали по камню.

— Долго ещё? — спросила Анна.

— Нет, — ответил тот коротко.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж, прошли через ещё один коридор, и наконец оказались в небольшом крыле, которое слуги называли «восточным».

— Ваши комнаты, — сказал офицер, останавливаясь у массивной двери из тёмного дерева. — Посол Вальтер — в конце коридора. Вам — две смежных комнаты, как вы просили.

— Мы не просили, — сказала Анна.

— Ваш наместник просил. Он подробно описал, как вы любите спать рядом.

Офицер открыл дверь и жестом пригласил их войти. Элис шагнула внутрь и остановилась.

Это была одна комната. Две койки вдоль стен, два сундука, один стол, один стул и узкое окно, выходящее во внутренний двор. Всё просто, почти аскетично.

— Две смежных, говоришь? — спросила Элис, обернувшись к офицеру.

— Так сказали слуги, — ответил тот безразлично. — Если вас не устраивает, можете спать в коридоре.

Он вышел, закрыв дверь.

Элис рухнула на ближайшую койку. Кровать прогнулась под её весом — жёсткая, но чистая.

— Похоже, у них странное представление о слове «смежный», — сказала она, глядя в потолок.

— Похоже, они просто не хотели возиться с двумя комнатами, — ответила Анна, подходя к окну. Она выглянула наружу. — Во внутреннем дворе — стража. Много. И они не просто стоят. Они смотрят.

— На нас?

— На всех.

Элис приподнялась на локте. Анна отошла от окна и села на свою койку.

— Где Корвус? — спросила Элис.

— Не знаю. Может, во дворце. Может, смотрит на нас из какого-нибудь окна.

— Я бы не удивилась, — сказала Элис.

— Я тоже.

Два часа прошли быстро. Жара, духота, пот. Служанка принесла кувшин с холодной водой, но она быстро стала тёплой. Элис умылась, переделась в чистую рубашку, но уже через десять минут она снова была мокрой. Анна смотрела на неё с мрачным спокойствием.

— Ты когда-нибудь перестанешь потеть? — спросила она.

— Когда умру, — ответила Элис, не открывая глаз.

Анна ничего не сказала. Она просто отвернулась к окну и снова выглянула во двор.

В дверь постучали. Вошёл тот же офицер в белом мундире — безэмоциональный, с прямой спиной.

— Гвардейцы Республики, — сказал он ровно. — Вас ждут в тронном зале.

Тронный зал оказался огромным. Высокий, чёрный камень, колонны по бокам, узкие окна в верхней части стен, через которые пробивался свет, но не давал тепла — только резал глаза. В центре зала — возвышение, на котором стоял трон. Массивный, с подлокотниками, с высокой спинкой, на которой был вырезан герб Империи.

Император Серван сидел на троне.

Он был не молод, но и не стар. Лет сорок или сорок пять. Короткие тёмные волосы, тронутые сединой. Лицо — острое, с жёсткими линиями, с глубоко посаженными глазами. Он был одет в чёрный камзол, без украшений. На руках — перстни, на пальцах — шрамы.

Элис заметила их сразу. На правой руке, на безымянном пальце — кривой шрам. Не старый. И не от меча.

Серван не поднялся. Он просто смотрел на них. Его взгляд скользнул по Вальтеру, по стражникам, по служанкам, стоявшим у стен. И остановился на Элис.

Она не отвела глаз.

— Посол Вальтер, — сказал Серван. Голос у него был низким, спокойным, без всяких интонаций. — Добро пожаловать в Аркенхельм.

— Благодарю за приглашение, ваше величество, — ответил Вальтер, склоняя голову. — Республика ценит стремление к диалогу.

— Стремление к диалогу, — повторил Серван. Он почти улыбнулся — но это была не улыбка, а гримаса. — Я рад, что Республика согласилась на диалог. Торговля — основа мира.

— Мы тоже надеемся на мир, — сказал Вальтер. — Но мир — это не только торговля.

Серван посмотрел на него долго, пристально. В зале стало тихо — даже факелы, казалось, перестали трещать. Элис чувствовала, как по спине ползёт холод, хотя в зале было душно.

— Мир, — сказал Серван медленно, — это порядок.

Он перевёл взгляд влево. Элис проследила за ним.

У камина, у правой стены, стоял шампур.

Он был невзрачным. Металл потемнел от времени, деревянная рукоять была потёртой, почти чёрной от масла рук. На вид — такой же, как тот, что держал палач. Длинный, тонкий, заострённый на конце. Орудие казни.

Элис смотрела на него и чувствовала, как в груди разрастается тяжесть. Она только что видела такое же в руках палача. Видела, как оно входит в плоть. И теперь такое же стояло здесь, в тронном зале, у трона Императора. В этом городе орудия казни стояли там, где другие держат символы власти.

Серван перевёл взгляд на шампур и задержался на нём на мгновение дольше, чем следовало. Его глаза, холодные и пустые, смотрели на металл так, будто он видел в нём что-то, чего не видели другие. Элис заметила это. Она видела, как его пальцы на подлокотнике трона чуть сжались.

— А порядок требует жертв, — закончил Серван, и его взгляд снова вернулся к гостям.

Анна смотрела на Императора и чувствовала, как внутри поднимается холод. Он был живым — она видела, как двигались его руки, как он моргал, как дышал. Но в нём было что-то мёртвое. Пустота в глазах, которая не исчезала, когда он говорил. Спокойствие, которое не было спокойствием — оно было отсутствием всего. Как будто он уже не принадлежал себе. Или давно перестал принадлежать.

Она отвела взгляд.

— Ваше величество, — сказал Вальтер, нарушая тишину. — Мы привезли предложения по торговым маршрутам. Если позволите, я могу изложить их завтра.

— Завтра, — кивнул Серван. — Сегодня вы должны отдохнуть. Аудиенция окончена.

Он не встал. Не улыбнулся. Просто поднял руку, и стража у дверей расступилась.

Элис, Анна и Вальтер вышли из тронного зала. Дверь закрылась за ними с тяжёлым, глухим звуком.

Они прошли по коридору. Пол был каменным, горячим даже через подошвы сапог. Стены были глухими, без окон. Только факелы через каждые десять шагов и тени, которые прыгали по углам.

— Ты заметила, как он смотрел на шампур? — спросила Анна тихо, когда они отошли достаточно далеко.

— Да, — ответила Элис. — Он не мог отвести взгляд.

— Как будто он ждал, что тот заговорит.

— Или боялся, что тот заговорит, — сказала Элис.

Она остановилась, обернулась на закрытую дверь тронного зала.

— Тот шампур, — сказала она. — Он похож на тот, что был у палача.

— Похож, — согласилась Анна. — Но не тот же.

— Я знаю. Но в этом городе орудия казни стоят у трона. Это о чём-то говорит.

Они пошли дальше. В конце коридора было окно — узкое, высокое. За ним — вечернее небо, оранжевое, с красными полосами. Жара спадала, но воздух всё ещё был тяжёлым.

— Идём, — сказала Анна. — Нужно отдохнуть перед завтрашним днём.

— Я не усну, — ответила Элис.

— Знаю.

Они вошли в свою комнату. Элис закрыла дверь и прислонилась спиной к дереву.

Она смотрела в пустоту перед собой. В груди всё ещё висела тяжесть — та, что появилась, когда она увидела шампур у трона. Она не знала, что это был за металл. Но она знала, что он был здесь не случайно. И что Серван смотрел на него так, будто видел не железо, а что-то другое.

Она перевела дыхание и отошла от двери.

Глава 3. Город и слухи

Утро в Аркенхельме началось с жары.

Солнце уже стояло высоко, когда Элис открыла глаза, — белое, раскалённое, безжалостное. В комнате было душно, как в печи. Она лежала на спине, глядя в потолок, и чувствовала, как пот стекает по вискам. Рубашка прилипла к телу. Волосы слиплись. Даже дышать было тяжело.

— Ты жива? — спросила Анна с соседней койки.

— Не уверена, — ответила Элис. — Проверь пульс.

Анна не пошевелилась.

— Сама проверяй.

— Лень.

Они лежали молча ещё несколько минут. Где-то за окном кричали птицы — странные, хриплые, с металлическим оттенком. Элис слышала их ещё вчера, но сейчас они казались громче. Ближе.

— Надо встать, — сказала Анна.

— Надо, — согласилась Элис.

Ни одна не пошевелилась.

В дверь постучали. Коротко, вежливо, но настойчиво.

— Госпожа Элис, госпожа Анна, — раздался голос служанки. Голос был ровным, без интонаций. — Посол Вальтер просит вас прийти к нему после завтрака.

— Скажи, что мы уже идём, — ответила Анна, не вставая с койки.

Пауза. Потом — тихий, безличный ответ:

— Я передам.

Шаги удалились.

Элис приподнялась на локте, села. Комната закачалась — всего на мгновение, но достаточно, чтобы она поняла: день будет долгим.

— Морально мы идём, — повторила она, — а физически мы в аду.

— В Аркенхельме, — поправила Анна. — Это одно и то же.

Они умылись водой из кувшина — тёплой, с лёгким привкусом глины, — переоделись в лёгкие рубашки, без доспехов. Жара не позволяла носить кожу дольше нескольких часов.

Они вышли в коридор. В восточном крыле было тихо — только собственные шаги отдавались эхом от каменных стен. В конце коридора их ждал Вальтер. Он был одет в лёгкий светлый костюм, который, судя по всему, был сшит специально для этой жары. На вид он казался свежим, хотя в комнатах было душно с самого утра.

— Гвардейцы, — сказал он, когда они подошли. — Сегодня у вас задание.

— Мы слушаем, — ответила Анна.

— Я проведу переговоры с имперскими чиновниками. Это займёт несколько часов. Вы не понадобитсяе во дворце. — Вальтер сделал паузу. — Но вы понадобитсяе мне в городе.

— Что мы должны сделать? — спросила Элис.

— Узнать, что говорят люди, — сказал Вальтер. — Я хочу знать слухи. О чём шепчутся на рынках, в порту, в трактирах. Что говорят об Императоре. О дворце. О том, что здесь происходит.

— Вы думаете, они скажут нам? — спросила Анна. — Мы чужаки. Иностранцы.

— Поэтому вы и пойдёте не как гвардейцы Республики, — сказал Вальтер. Он протянул им два простых мешочка. — Здесь монеты. Купите что-нибудь на рынке. Спросите, где лучше взять воду. Будьте просто путешественницами, которые впервые в городе.

— Мы и есть путешественницы, которые впервые в городе, — заметила Элис.

— Вот и играйте себя.

Он развернулся и ушёл по коридору.

Элис посмотрела на Анну. Та пожала плечами.

— Идём, — сказала Анна. — Чем быстрее начнём, тем быстрее закончим.

Они вышли из дворца через боковые ворота — незаметные, ведущие прямо на узкую улочку, которая спускалась к порту. У ворот стоял один стражник в белом мундире. Он не спросил, кто они и куда идут. Просто кивнул и открыл калитку.

— Добрый день, — сказала Элис, проходя мимо.

Стражник не ответил.

Улица была узкой, зажатой между высокими стенами из белого камня. Солнце стояло в зените, и лучи падали почти вертикально, не давая тени. Воздух был раскалённым, сухим, и каждое дыхание отдавалось в горле болью.

— Здесь даже хуже, чем во дворце, — сказала Анна.

— Там был камень. Здесь — камень и пыль.

Они пошли вниз, к порту. Улицы расширялись, становились более оживлёнными. Появились первые торговцы — с телегами, с корзинами, с тканями, перекинутыми через плечи. Кто-то выкрикивал товары, кто-то торговался, кто-то просто сидел у стен и смотрел на прохожих пустыми глазами.

— Мы как в другой стране, — сказала Элис.

— Мы и есть в другой стране, — ответила Анна.

— Я знаю. Но я не привыкла, что даже воздух другой.

— Он просто горячий.

— Он пахнет.

Анна остановилась, приняухалась.

— Чем?

— Не знаю. Травами. Солью. И чем-то сладким.

— Это рынок, — сказала Анна. — Там всегда пахнет сладким, если есть фрукты.

Они вышли на рыночную площадь.

Она была огромной — такой, что не поместилась бы в столице Республики. Бесчисленные прилавки, навесы из грубой ткани, телеги, лотки, корзины. Толпа текла между рядами, как река. Голоса сливались в один непрерывный гул — выкрики, споры, смех, ругань.

И запах. Сотни запахов смешивались в один — горячий, густой, почти осязаемый. Пряности, фрукты, жареное мясо, рыба, кожа, пот.

Элис остановилась.

— Здесь можно потеряться, — сказала она.

— Здесь можно найти что угодно, — ответила Анна. — Главное — не наткнуться на то, что искать не хотелось.

Они прошли между рядами. Справа — торговец пряностями, слева — женщина с корзиной гранатов. Где-то впереди ругались двое — грузчик и торговец тканями. Элис миновала их, не замедляясь.

Потом она увидела клетку.

Она стояла у края площади, в тени высокой стены. Железная, квадратная, размером с человеческий рост. Внутри — человек.

Вернее, то, что от него осталось.

Он висел, прикованный за руки к верхней перекладине. Ноги не касались дна. Тело было иссохшим, кожа обтянула рёбра. Лицо — чёрное от мух, без глаз — выклевали птицы. Одна рука была вывернута под неестественным углом. Пахло гнилью.

Элис остановилась. Она смотрела на тело и вдруг поняла, что этот человек был примерно её возраста. Может, чуть старше. Она не знала, кто он, что он сделал. Но она видела его руки — тонкие, с длинными пальцами, которые когда-то, возможно, держали детей или любили женщину. Она видела его лицо — искажённое, но в нём ещё можно было угадать черты, которые когда-то были живыми. Он не был зверем. Он был человеком.

— Ты видишь? — спросила она тихо.

— Вижу, — ответила Анна.

— За что?

Рядом стоял торговец — коренастый, с седой бородой. Он оглядел девушек с ног до головы, потом перевёл взгляд на клетку.

— Убил свою жену, — сказал он буднично. — Говорят, она изменяла ему с кузнецом. Он зарубил её топором, а потом пришёл в себя. Плакал, когда его вели на площадь.

— Сколько он там висит? — спросила Элис.

— Третью неделю, — ответил торговец. — Жара помогает. Быстрее сохнет.

Он отвернулся и занялся своим товаром.

Элис смотрела на тело. На руки, вывернутые под неестественным углом. На пустые глазницы. На мух, которые ползали по лицу, по губам, по краям век — везде, где была влага.

— Он был молод, — сказала она.

— Он убил жену, — ответила Анна.

— Он сделал это в ярости. А они повесили его в клетке. На три недели. Чтобы все смотрели.

— Здесь так принято.

— Это не порядок. Это месть.

Она отвернулась и пошла дальше.

Они пошли дальше. Рынок шумел вокруг. Кто-то торговался, кто-то смеялся. Дети бегали между ног взрослых. Никто не смотрел на клетку. Все привыкли.

— Это не Империя, — сказала Элис. — Это другой мир.

— Это их порядок, — ответила Анна. — Мы здесь, чтобы понять, как он работает.

В конце рынка была улица, которая вела вниз, к порту. Там воздух пах иначе — морем, рыбой, гниющими водорослями. Дома стали ниже, беднее. Люди — темнее, грязнее.

— Нам нужен трактир, — сказала Элис. — Там, где говорят, а не молчат.

Они нашли его на углу, у самого причала. Вывеска качалась на ветру — деревянная доска с выжженной надписью, которая давно выцвела. Сквозь открытую дверь слышались голоса, звон кружек, чей-то хриплый смех.

— Зайдём? — спросила Анна.

— Мы уже зашли.

Внутри было темно и прохладно — по сравнению с улицей. Густой воздух пах вином, потом, дымом и кислым хлебом. За столами сидели люди — грузчики, матросы, торговцы. Все выглядели так, будто были здесь с утра.

Элис подошла к стойке. Трактирщик был высоким, худым, с седыми усами и усталыми, но добрыми глазами. Он посмотрел на неё без напряжения — просто ждал заказа.

— Что вам, девушки?

— Воды, — сказала Элис. — И если есть хлеб.

— Хлеб есть. Два медяка.

Она положила монеты на стойку. Трактирщик взял их, кивнул, поставил перед ними две кружки и краюху тёмного, грубого хлеба.

— Вы не местные, — заметил он без всякой настороженности.

— Мы путешествуем, — ответила Анна.

— Далеко?

— С севера.

— О, с севера, — протянул трактирщик. — Там сейчас, говорят, дожди. А у нас сушь. Уже третий месяц ни капли.

Элис отпила воду. Она была тёплой, с горьковатым привкусом, но приятно освежала горло.

— Мы ищем работу, — сказала она. — Слышали, что в порту нужны руки.

— Нужны, — кивнул трактирщик. — Всегда нужны. Но лучше поищите в другом месте, чем здесь.

— Почему?

Он оглянулся через плечо — на дверь, на ближайшие столы, на пустой угол у камина. Убедившись, что никто не смотрит, он наклонился ближе. Элис почувствовала запах вина и старого пота. Его голос стал тише, почти неслышным.

— Я здесь живу сорок лет, — сказал он. — Город как город. Люди как люди. Но над этим местом есть что-то... — он поискал слово, — ...тяжёлое. Я не знаю, как это объяснить. Дышишь — и чувствуешь, что воздух плотнее, чем нужно.

— И давно это?

— Я заметил это много лет назад. — Он помедлил. — Особенно после того, как нынешний Император взойшёл на трон.

Девушки переглянулись.

— Расскажите, — попросила Анна. — Мы ведь всё равно чужие. Чего нам бояться?

Трактирщик усмехнулся — невесело, но не зло.

— А ведь верно. Чего вам бояться? Вы уедете. А мне здесь ещё жить.

Он взял кружку, протёр её тряпкой, и заговорил, глядя куда-то поверх их голов. Его голос стал ещё тише — почти шёпотом.

— Пятнадцать лет назад, когда старый Император умер, у него было два сына. Старший — законный наследник. И младший — Серван. Серван не должен был стать Императором. Но он хотел. И у него был друг — командир гвардии. Верный, как пёс. Они вместе выросли, вместе служили. Этот командир сделал всё, чтобы Серван взойшёл на трон. В одну ночь старый Император умер. В другую — старший брат и его семья погибли в пожаре.

— Пожаре? — переспросила Элис.

— Говорят, — сказал трактирщик с нажимом на «говорят», — что это был не пожар. Но кто теперь узнает? Все умерли. Серван стал Императором. А командир гвардии исчез в ту же ночь.

— Погиб?

— Никто не знает. Тела не нашли. Его просто не стало. Словно он никогда и не существовал. — Трактирщик понизил голос до шёпота. — Но с тех пор во дворце что-то изменилось. Император стал холоднее. Жёстче. И с тех пор никто не смеет говорить о пропавшем командире. Потому что те, кто пытался вспоминать, быстро замолкали.

— Их убивали? — спросила Анна.

Трактирщик не ответил. Он просто покачал головой и отошёл к другому концу стойки, где кто-то звал его.

Элис и Анна допили воду, доели хлеб и вышли на улицу. Жара по-прежнему давила на плечи, сухой воздух обжигал горло, и даже в тени домов не чувствовалось прохлады.

— Командир гвардии, — сказала Элис. — Он был другом Императора. А потом исчез.

— И никто не говорит о нём, — добавила Анна. — Пятнадцать лет молчат.

— Трактирщик боится. Даже сейчас, когда мы сказали, что уедем, он оглядывался.

Анна посмотрела на дворец, который возвышался над городом.

— Значит, не зря боится.

Они пошли обратно к рынку. По пути, у фонтана, Элис заметила девушку — молодую, с тёмными волосами, заплетёнными в косу. Она стояла с кувшином и смотрела на них, не отводя глаз.

— Вы гвардейцы Республики? — спросила она, когда они приблизились. Голос у неё был тихим, почти неслышным.

— Откуда ты знаешь? — спросила Анна.

— Видела вас вчера. В порту. С магом.

— И что дальше? — спросила Элис.

Девушка оглянулась через плечо — на торговцев, на прохожих, на пустой угол у стены. Никто не смотрел на них, но она всё равно шагнула ближе, почти вплотную. Голос её дрожал, пальцы впились в ручку кувшина так, что побелели костяшки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.